

Леонид Фризман

Остроумный
Основьяненко

Леонид Фризман

Остроумный Основьяненко

«ОМІКО»

2017

ББК 83.3(4УКР)-8

Фризман Л. Г.

Остроумный Основьяненко / Л. Г. Фризман — «ОМІКО», 2017

ISBN 978-966-03-7676-2

Издательство «Фолио», осуществляя выпуск «Малороссийской прозы» Григория Квитки-Основьяненко (1778–1843), одновременно публикует книгу Л. Г. Фризмана «Остроумный Основьяненко», в которой рассматривается жизненный путь и творчество замечательного украинского писателя, драматурга, историка Украины, Харькова с позиций сегодняшнего дня. Это тем более ценно, что последняя монография о Квитке, принадлежащая перу С. Д. Зубкова, появилась более 35 лет назад. Преследуя цель воскресить внимание к наследию основоположника украинской прозы, собирая материал к книге о нем, ученый-литературовед и писатель Леонид Фризман обнаружил в фонде Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины, где хранится архив Квитки, подготовленную им к печати, но не изданную при жизни третью книжку малороссийских повестей. Сейчас каждый может познакомиться с этими произведениями в сборнике издательства «Фолио» «Малороссийская проза» и прочесть о них в блестяще написанной книге Леонида Фризмана.

ББК 83.3(4УКР)-8

ISBN 978-966-03-7676-2

© Фризман Л. Г., 2017

© ОМІКО, 2017

Содержание

Остроумный Основьяненко	6
Квитка и Харьков	6
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Леонид Фризман

Остроумный Основьяненко

© Л. Г. Фризман, 2017

© Л. П. Вировец, художественное оформление, 2017

Остроумный Основьяненко

Квитка и Харьков

Вместо введения

«Остроумным Основьяненко» назвал Квитку Белинский. Обычно остроумным считают человека, который острит, образными словами и выражениями стремится вызвать смех окружающих. Но литературный спутник и в немалой мере единомышленник Квитки В. И. Даль в своем прославленном словаре определял «остроумие» как «остроту ума». Если Квитка-комедиограф, автор таких произведений, как «Сватанье на Гончаровке» и «Шельменко-денщик», преимущественно веселил и поднимал настроение, то проза писателя остроумна именно в далевском смысле этого слова. А «острота ума» у Квитки – это острота видения народной жизни, живой, неподдельный народный юмор – качества, которые зримо роднят Квитку с Гоголем.

Наша книга – о прозе Г. Ф. Квитки-Основьяненко, что обусловлено двумя причинами. Во-первых, тем, кто Квитка давно и заслуженно признан основоположником украинской прозы. Во-вторых, тем, что именно прозаическое творчество сделало его значительным участником не только украинского, но и русского литературного процесса. По-русски он написал оба своих романа, все статьи по истории Украины и Харькова, а «малороссийские повести» сам переводил на русский язык.

Ни один русский или украинский писатель так не связан своей судьбой и творчеством с Харьковом, как Квитка. В Харькове он родился, здесь написал все, что написал, здесь покойся его прах. Он любил Харьков сыновней любовью и не просто описывал, а воспевал его, восхищался и гордился им. Однако в наше время он странным образом выпал из внимания исследователей: последняя монография о нем, принадлежащая перу С. Д. Зубкова, появилась более 35 лет тому назад, притом Квитке посвящена лишь первая ее половина, вторая – Е. Гребинке, а то, что писалось о нем в 1960—1970-е гг., безнадежно устарело.

В долгу у Квитки не только наука, но и его родной город. Полностью разделяю чувства, выраженные в статье моего коллеги, профессора М. Ф. Гетманца, статью которого, недавно опубликованную в газете «Время», воспринял как крик души: «Хотя патриотическая деятельность и художественное творчество Квитки-Основьяненка всегда вызывали всенародный интерес, Харьков не только не создал ему достойного памятника, но и не проявил заботы о сохранности его усадьбы, в которой до Второй мировой войны был мемориальный музей. Сейчас в центре города есть небольшая улица его имени и на ней скромный памятник в жанре „погруддя“, установленный в 1977 году к 200-летию со дня рождения писателя. Наш славный земляк заслуживает того, чтобы стоять во весь рост в самом центре города в компании со своими героями, в которых так ярко и выразительно отражены черты украинского национального характера».

Статья, из которой взята эта цитата, называется «Памятник кому должен стоять на главной площади Харькова?», и пафос ее в том, что это должен быть памятник Квитке. Полностью разделяя высказанные чувства и приводимые доводы, опасаюсь, что предлагаемое решение не у всех вызовет поддержку. Многие скажут – и не без основания – что Квитка не занимает сегодня в духовном мире харьковчан такого места, которое бы его оправдывало, места, сопоставимого с тем, которое занимает Штраус в сердцах жителей Вены или Гете у жителей Веймара. Но кто виноват в этом? Квитка? Нет, здесь наша вина, нам и надлежит позаботиться о

том, чтобы ее искупить. Посильный вклад в это стремился внести и автор лежащей перед вами книги.

Квитка в ней впервые предстает не только как выдающийся беллетрист, но и как вдумчивый историк и страстный певец Харькова и Слобожанщины. Изображаемый им мир – это Харьковщина с ее народными типами, обычаями и даже топонимикой. Мы стремимся отдать должное малоизвестным, редко издававшимся и в сущности полузабытым статьям писателя. Ведь без них представление о Квитке было бы не только неполным, но и ущербным.

Намерением ввести сегодняшнего читателя в мир Квитки обусловлена и представительная подборка иллюстраций, на которых он увидит и Харьков времен Квитки, и снимки зданий, связанных с его биографией, и картины украинских художников, тематически связанные с сюжетами произведений Квитки.

Работая над этой книгой, я не только познавал Квитку как писателя и историка, но и проникался каким-то трудно выразимым ощущением духовного родства с ним. За несколько десятилетий, прожитых Квиткой в Харькове, город неузнаваемо изменился. Квитка жадно следил за этими изменениями и реагировал на них не просто заинтересованно, но страстно. И я невольно сопоставляю то, как менялся Харьков при жизни Квитки, с тем, что происходило на собственном моем веку.

Как и Квитка, я в Харькове родился и прожил всю жизнь. Всегда любил поездки, исколесил немало городов и стран, но никогда и никуда не помышлял переселиться. Самые задушевные ощущения, на какие я способен, я испытывал, когда возвращался домой.

Я хорошо помню довоенный Харьков, в котором единственным городским видом транспорта был трамвай, машин встречалось немного, а телеги, запряженные лошадьми, разъезжали даже по центру города, граница которого проходила вблизи Госпрома. Нынешняя улица Культуры называлась Барачная, потому что была застроена бараками.

Между ХЭМЗом и Тракторным заводом еще в 50-е годы пролежала степь, и трамвай, который полз по этой степи, выглядел, как кораблик, пересекающий океан. Как с такого кораблика не видно берегов, так из окон этого трамвая не видно было конца степи. Я не умею описать перемены, произошедшие в нашем городе, так искусно и вдохновенно, как описал Квитка перемены, произошедшие на его глазах, но пережитое мной самим помогает мне лучше понять его чувства, тот неподдельный восторг, который вызывал в его душе любимый город.

Я не верю в то, что патриотизм воспитывают, его впитывают с молоком матери, его укрепляют происходящие события и деяния людей. Квитка восхищался Харьковом, вовсе не собираясь на кого-то воздействовать, кого-то чему-то учить. Он пробуждает в нас то, что живет в наших душах, он помогает нам полнее познать самих себя, этим он нам и дорог. Квитка был человеком своего времени, а мы взращены другой эпохой, и не может он быть близок нам всеми своими ощущениями и воззрениями. Но есть что-то, которое всегда будет нас сближать. Это что-то – Харьков.

Глава первая

Начало пути

Григорий Федорович Квитка родился 18 (29) ноября 1778 г. в семье богатого украинского помещика, потомка легендарного основателя Харькова Андрея Квитки. Он был отпрыском старинного казацко-старшинского рода. Известно, что летом 1709 г. один из его предков, Г. С. Квитка, принимал в своем доме Петра I, а когда в 1772 г. украинская шляхта была указом Екатерины II приравнена к русскому дворянству, Квитки получили дворянский титул.

Отец будущего писателя был владельцем села Основа, которому обязан своим происхождением наиболее известный из его псевдонимов. Этим псевдонимом он, можно сказать, прославил свою «малую родину». Когда в 1861 г. в С.-Петербурге стал издаваться журнал на малорусском языке, ему было дано название «Основа» в честь родины Квитки, закрепленной в его прославленном псевдониме. Считается, впрочем, что в названии журнала был отчасти и символический смысл. В наши дни в Харькове существует издательство «Основа», и вряд ли можно счесть случайным тот факт, что его главный редактор, профессор Харьковского национального педагогического университета К. Ю. Голобородько является также деканом факультета, носящего имя Г. Ф. Квитки-Основьяненко.

Федор Квитка был человеком просвещенным, принимал у себя прославленного «странника» Г. С. Сковороду, чьи произведения члены его семьи знали на память и любили декламировать. Он содействовал открытию в 1805 г. Харьковского университета, которому оказывал материальную поддержку.

Памятным событием раннего детства будущего писателя стало «чудесное исцеление» от слепоты, произошедшее в шестилетнем возрасте во время молитвы в Озерной пустыни. Благодарная мать взяла с ребенка обет, что он год пробудет послушником в монастыре. Но послушнические обязанности юноша исполнял без всякого рвения, охотнее проводя время на балах и танцевальных вечерах. На протяжении всей последующей жизни религиозность Квитки была весьма умеренной. Бога он в своих произведениях поминал на каждом шагу, но исполнение заветов Всевышнего на деле означало для него соответствие требованиям порядочности и народной морали.

Систематического образования юный Григорий не получил. Как отметил хорошо с ним знакомый О. Корсун, «он сам себя образовал»¹. «Недостаток классического образования и знания иностранных языков, – свидетельствовал в своих воспоминаниях Н. Костомаров, – он заменял здравым умом и любовью к чтению. Он постоянно с юношеским пылом следил за движением русской литературы, особенно непереводной»². Это подтверждается обширным репертуаром имен, упоминаемых в произведениях и письмах Квитки, среди которых мы видим имена как русских писателей (Ломоносов, Сумароков, Новиков, Княжнин, Фонвизин, Капнист, Карамзин, Жуковский, Крылов, Пушкин, Гоголь), так и западноевропейских (Данте, Сервантес, Мольер, Мильтон, Вольтер, Руссо, Мюссе, Коцебу, Дюма, Гюго, Бальзак, Ламартин, Сю).

Сам Квитка позднее, в 1839 г., так писал об этом П. А. Плетневу, с которым у него сложились теплые и доверительные отношения: «Я и родился в то время, когда образование не шло далеко, да и место не доставляло к тому удобств; притом же болезни с детства, желание не быть в свете, а быть может, и беспечность и леность, свойственные тогдашнему возрасту, – все это было причиною, что я не радел о будущем и уклонялся даже от того, что было под

¹ Русский архив. – 1890. – Кн. 3. – С. 210.

² Цит по: *Данилевский Г. П.* Украинская старина: материалы для истории украинской литературы и народного образования. – Харьков, 1866. – С. 232.

рукою и чему мог бы научиться»³. Можно согласиться, что некоторые самооценки: «С такими познаниями писатели „не бывают“», «Вы теперь видите, что я непроизвольно, нечаянно, неумышленно попал в писаки» и т. п. – вызваны чрезмерной скромностью, но искренность сделанных в этом письме признаний не подлежит сомнению.

По обычаям того времени одиннадцати лет он был записан вахмистром в лейб-гвардии конный полк, произведен в капитаны и числился при армии до 1797 г., чтобы затем расстаться с ней навсегда. Военная карьера манила его так же мало, как церковная, и прав был один из его биографов, отметивший как характерную особенность его нрава то, что «писатель всегда вынужден был пребывать в „чужом монастыре“ со „своим уставом“: в кругу провинциальных чиновников сатирические произведения Квитки навлекали на него неудовольствие и начальства, и сослуживцев»⁴.

Общественная деятельность занимала заметное место в жизни молодого Квитки. Когда Россия готовилась к войне с Наполеоном, его выбрали провиантским комиссаром народного ополчения, и он проявил такие организаторские данные, что вскоре стал секретарем уездного дворянства, а позднее на протяжении двенадцати лет пребывал в должности уездного предводителя дворянства, на которой снискал репутацию честного и бескорыстного деятеля: защищал селянскую «громаду», пресекал издевательства помещиков над прислугой, помогал малограмотным мужикам разбираться в законах, защищал их в ходе судебных процессов, следил за проведением рекрутских наборов. Опыт тех лет немало пригодился ему в писательской деятельности.

Позднее ему довелось быть и председателем Харьковской палаты уголовного суда, и членом товарищества наук при Харьковском университете, и членом-корреспондентом статистического отдела министерства внутренних дел. Одной из главных своих обязанностей он считал добиваться человеческого отношения помещиков к своим крепостным. Архивы губернских депутатских собраний зафиксировали многочисленные случаи, когда Квитка, откликаясь на жалобы крестьян, выезжал на места происшествий и принимал меры для обуздания помещичьего своеволия. И постоянно его честность и верность высоким моральным устоям навлекали на него бесконечные и злобные нападки, как он выражался, «толстопузых журналов» и «кривые толки окружающих».

В нем всегда жил неуёмный просветитель: он содействовал становлению «основьянского театра», в котором с сезона 1808/1809 был «сочленом» дирекции и актером, а с 1812-го по 1816 год – директором; инициатором создания «Благотворительного общества», которое в свою очередь основало Институт для образования беднейших благородных девиц, публичную библиотеку. Кстати сказать, в театре, руководимом Квиткой, начинал свою карьеру основоположник сценического искусства в России М. С. Щепкин, причем именно Квитка угадал то амплуа, которое принесло ему наиболее громкую славу. Он сказал: «Эх, брат Щепкин! играй в комедиях: из твоих фижм и министерства постоянно выглядывают мольеровские Жокрисы!»⁵

³ *Квитка-Основ'яненко Г. Ф.* Твори у восьми томах. – Т. 8. – К: Дніпро, 1970. – С. 140.

⁴ *Мещеряков В. П.* Лукавый летописец поместного быта // Квитка-Основьяненко Г. Ф. Проза. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 4.

⁵ Цит. по: *Данилевский Г. П.* Украинская старина. – С. 188. Нельзя не вспомнить, что Щепкин подтвердил безошибочность этого отзыва в числе прочего и блистательным исполнением главной роли в лучшей из комедий самого Квитки «Шельменко-денщик». Он избрал ее для своего бенефиса в Большом театре 30 февраля 1842 г. и тем в немалой степени содействовал ее признанию и будущей популярности. Рецензент этого спектакли откликнулся на него так: «Я видел г. Щепкина в роли Шельменко-денщика и скажу, что выше этой игры вообразить ничего нельзя. Актера не было; это был живой, из полка, денщик, малороссиянин и прежний писарь. Какое удивительное и вместе натуральное разнообразие (которого в других ролях недостает иногда г. Щепкину); как он говорил с помещиком, офицером, со служкою, один! Что за поразительные своей верностью движения. Вы видите Шельменка не в эту только минуту, но вся жизнь его перед вами: вы знаете, сколько получил он палок за свою выправку, а этот дьявольский ум, которому не достает только поприща пошире – бесподобно! Бесподобно! Слава артисту!» (NN. Два слова о бенефисе г. Щепкина // Москвитянин. – 1842. – № 3 – С. 285).

А институту благородных девиц, который был в то время единственным учебным заведением на Украине, в котором могли обучаться женщины, он, по свидетельству И. Срезневского, пожертвовал «почти весь достаток свой»⁶. По словам его первого биографа Г. П. Данилевского, «где возникало что-нибудь новое и нужно было дать толчок, являлся Основьяненко»⁷.

Случилось так, что создание этого института сыграло первостепенную роль в судьбе самого Квитки. Приехавшая туда из Петербурга классная дама, бывшая на двадцать с лишним лет моложе его, вышла за него замуж и осчастливила его, по собственным его словам, на всю жизнь. Как пишет его биограф, «это была знаменитая и почтенная Анна Григорьевна, которой имя так часто встречается в „посвящениях повестей“ ее мужа, которая принимала участие во всех заботах и трудах нашего автора, лелеяла жизнь его, выслушивала и поправляла его сочинения, смотрела на его литературную судьбу, как на свою собственную, на его сочинения, как на что-то сверхъестественное, и когда не стало на свете ее старого друга, она бросила свет и с нетерпением ждала минуты, когда могла за ним сойти в могилу»⁸.

«Мой собственный цензор и критик мой беспристрастный – так называл ее Квитка и продолжал: — ... Я ей верю; что было бы без ее руководства? Если занесусь, она меня притянет; если опускаюсь низко, она велит вылезать или оставить и приподняться; она-то в пору меня останавливает в разговорах, в описании действий... Она судьбой дана мне в награду, не знаю, за что; но только из того Института, который здесь учрежден, она первая прибыла сюда классная дама и наградила меня собою за все заботы мои об Институте!»⁹

А вот свидетельство племянника писателя Валерьяна Андреевича Квитки: «Хозяйством заниматься он не любил и довольствовался самой необходимой прислугой. После обеда он обыкновенно отправлялся в свой кабинет, и тогда наставали лучшие часы его жизни. Он писал, нетревожимый никем, и только под вечер приходил прочитывать жене или свои свежие произведения, или статьи из столичных журналов. С женою он советовался, слепо доверял ее мнениям; а когда дело шло в его сочинениях *о высшем свете, французском языке и образованности*, то он решительно подчинялся ее приговорам»¹⁰.

Образ жизни Квитки закреплен и в дошедшем до нас стихотворении, автор которого достоверно не установлен:

За Лопанью-рекой – именье Квиток.
Там, в тишине задумчивых аллей,
Жил и творил писатель знаменитый,
И дом его всегда бывал открытым
Для долгожданных дорогих гостей.
За пеленой осеннего ненастья
Течет беседа и свеча горит...
Ах, Боже мой, какое это счастье,
Когда душа с душою говорит!

Как позднее вспоминал Квитка в одном из писем, после открытия в Харькове в 1805 г. университета, а в 1808-м – театра весь «род жизни» в городе «переменился», и сам он сыграл в этих переменах далеко не последнюю роль. Его письма свидетельствуют о том, как занимали его тогда проблемы театра и как детально он в них вникал. В начале 1812 г. он писал одному из

⁶ Там же. – С. 191.

⁷ Там же. – С. 186.

⁸ Там же. – С. 193.

⁹ Цит. по: Данилевский Г. П. Украинская старина. – С. 193–194.

¹⁰ Там же. – С. 221.

близких друзей А. В. Владимирову: «Скажу тебе накоротке, как я поживаю. Имею честь быть директором театра по общему и единодушному избранию. Хлопот полон рот; один везде и за всем. Живу всегда в городе и не имею никак свободного времени»¹¹. В другом письме тому же адресату жаловался: «Занялся совершенно театром и сделал его сколько-нибудь лучшим, нежели он был прежде. Беда моя: не имею хороших актеров. Нет ли у вас на Воронеже хороших? Присылай их ко мне: они найдут свои выгоды»¹².

Спустя много лет Квитка напишет статью «История театра в Харькове». Она была напечатана в «Прибавлениях к „Харьковским губернским ведомостям“» под названием «Театр в Харькове». О себе он не говорит в ней ничего, но впечатляет обилие детальной информации, которой насыщено это произведение. Первая попытка создать в Харькове театр или, по крайней мере, его подобие была предпринята в 1786 г. по случаю проезда через город императрицы Екатерины. Будущему директору было тогда восемь лет, но он великолепно осведомлен, как ставилась сцена и расписывались кулисы, что мастеровые были взяты из губернской роты и «сработали» всё, что им было приказано, что декорации расписал губернский механик Лука Семенович Захаржевский, которого «едва ли кто из харьковцев помнит», и т. д., и т. п. Перечисляется репертуар, цены на билеты в креслах, в партере, на галерее, упомянута изготовленная в отсутствие типографии писанная афиша, прибитая к фонарному столбу, и многое, многое другое. «И как все было хорошо в это безэтикетное, искреннее, патриархальное время»¹³, – восклицает автор.

А вот как представлен «прибывший из Курска М. С. Щепкин: „Не во гнев *некоторым* сказать, его никто не наставлял и не учил: таланта, подобного Щепкину, нельзя произвести, он сам родится и часто бывает неизвестен *своему хозяину* – до времени. Мы все, не выдавшие далее провинциальных театров, в Щепкине начали понимать, что есть и каков должен быть актер... так нам ли было учить его?“»¹⁴

Квитка активно содействовал изданию и распространению первых украинских журналов «Харьковский Демокрит» и «Украинский вестник». Соредактором «Украинского вестника» был вместе с Квиткой Р. Гонорский, член «Вольного общества любителей российской словесности», бывавший в Петербурге на его заседаниях и общавшийся там с будущими декабристами. В. Раевский и его брат А. Раевский печатались в «Украинском вестнике», а Рылеев использовал этот журнал при составлении «Исторического словаря русских писателей».

Именно на страницах «Украинского вестника» Квитка впервые выступил как прозаик, напечатав в 1816–1817 гг. серию фельетонов «Письма к издателям», подписанных именем «Фалалея Повинухина». Продолжение их появилось в 1822 г. под названием «Письма к Лужницкому старцу» в «Вестнике Европы». Не приходится сомневаться, что избранный Квиткой псевдоним был призван напомнить читателю известные «Письма к Фалалею» Н. И. Новикова, которые он печатал в своем «Живописце».

На преемственную связь между этими двумя эпистолярными циклами указывал С. Д. Зубков, справедливо отметивший, что «сатирические „письма“ Квитки восходят к традициям названного Добролюбовым „сатирического направления“ XVIII в., определенного творчеством Н. Новикова, А. Кантемира, Д. Фонвизина, А. Радищева»¹⁵. Автор не зря поставил Новикова

¹¹ Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Твори. – Т. 8. – С. 112.

¹² Там же. – С. 113.

¹³ Там же. – Т. 7. – С. 67.

¹⁴ Там же. – С. 75.

¹⁵ Зубков С. Д. Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей. – К.: Наук. думка, 1979. – С. 24. Хотя творчество Квитки рассматривается лишь в первой половине этой монографии, она была и остается по сей день единственным исследованием, посвященным его прозе. К собранным в ней материалам и ценным наблюдениям предстоит возвращаться неоднократно. О «Письмах к издателям» см. также: Чалий Д. Г. Ф. Квітка-Основ'яненко (творчість). – К.: Держлітвидав України, 1962. – С. 16–32.

первым в этом списке. Квитка, конечно, не только знал произведения выдающегося просветителя, но и был осведомлен о его трагической участи. Расправившись с Радищевым, испуганная Французской революцией Екатерина II зверски обошлась с человеком, вызывавшим ее ярость на протяжении всего ее царствования. Оклеветанный и дискредитированный, он был без суда заключен на 15 лет в крепость, а когда после смерти императрицы Павел I его освободил, он был уже человеком безнадежно больным и душевно сломленным.

Хотя в письмах Новикова Фалалей фигурирует преимущественно как адресат и практически не характеризуется, имя его позднее стало нарицательным, синонимом тупости, невежества, порожденных бытом и нравами провинциальных помещиков. Квитка даже поместье иногда именуется Фалалеевкой, чему последовали и некоторые другие литераторы, например Нарежный. Нарекая так своего героя, он использовал тот факт, что это имя успело приобрести определенное символическое значение. Все, что было уже известно читателю о Фалалее и фалалеевщине, готовило его восприятие к правильному подходу к «Письмам» Квитки.

В начале XIX века «Живописец» был вполне доступен заинтересованному читателю: он переиздавался шесть раз, в последний раз в 1829 г. Уместно напомнить и о том, что в Харьковской библиотеке, созданной при непосредственном участии Квитки, была широко представлена журналистика. А причину, по которой опубликованные в новиковском журнале материалы могли привлечь внимание Квитки, помогает установить характеристика, которую им дал Добролюбов: «В „Живописце“ напечатан целый ряд писем к Фалалею от уездных дворян, его отца, матери и дяди. Весь смысл этих писем заключается в том, что нынешнее время не так благоприятно для своеволия, жестокостей, обманов и пр., как прежнее блаженное время. Это похоронный плач о погибшей дворянской воле, это вопль проклятия просвещению и правде, торжественно и незыблемо воцарившимся в области тьмы и застоя». Особенно близкой Квитке должна была быть манера, в которой они написаны и которую Добролюбов охарактеризовал так: «Письма эти очень замечательны по мастерству своего лукавого юмора»¹⁶.

Квитка пришел в литературу далеко не юношей: когда печатались «Письма к издателям», ему было 38 лет. У него не было писательского опыта, но жизненный опыт у него был немалый, в людях и отношениях между ними он разбирался хорошо, и это, конечно, полноценно проявилось во многих его суждениях и оценках. Показательно, что спустя 60 с лишним лет газета «Киевлянин» отмечала, что из всего появившегося в «Украинском вестнике» самыми интересными были «юмористические „Письма Фалалея Повинухина“»¹⁷.

Но еще важнее другое: в первых же опубликованных им произведениях он нашел и реализовал прием, к которому не раз обращался на протяжении последующих десятилетий и который с особым блеском проявился в созданном незадолго до смерти и самом совершенном образце его «умной» прозы – в романе «Пан Халявский»: характеризовать героя путем воспроизведения его собственных суждений. В сравнении с написанным позже «Письма к издателям» можно назвать детским лепетом, но анализировать и оценивать этот «лепет» нужно именно в соотнесенности с дальнейшим, как первые шаги в высшей степени продуктивном и плодотворном пути.

Объекты, которые становятся предметом наблюдений и оценок, многообразны, есть значимые, есть мелкие, и само их смешение пошло на пользу: оно создает ощущение откровенности, непосредственности, отказа от предпочтений одного другому. Читая «Письма», нельзя ни на минуту упускать из виду, что все они пронизаны иронией, но не демонстративной, а подспудной: автор постоянно чуть посмеивается над тем, что говорит, например, что жена его «капризна, своенравна, сердита, как злая женщина», но он повинует, слушается во всем и угождает. «Все это в *порядке вещей*, и мы живем *согласно*. Единственное наше и ничем не

¹⁶ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 5. – М.; Л.: Гослитиздат, 1962. – С. 345.

¹⁷ Киевлянин. – 1878. – № 144. – С. 2.

прерываемое занятие: жена меня бранит, а я молчу; или я молчу, а жена меня бранит. В таких невинных и не вредящих *ближнему* упражнениях проводим мы большую часть года»¹⁸.

Увидела жена театральную афишку, послала мужа ложу нанять, он «опрометью» пустился исполнять ее желание. Но поскольку театр для Квитки – это родное, давно и хорошо знакомое, то под пером Фалалея появляются нестандартные суждения. Он находит бесподобной мысль устроить театр возле острога: входя в театр, вспоминаешь, каково там заключенным и будешь всякую сдачу в кассе или в буфете рассчитывать, чтобы послать деньги в острог. А завершается первое письмо, большая часть которого посвящена театру, соседствующему с острогом, таким рассуждением: «Театр принесет, я насчитываю, пять польз: барыш содержанию, пропитание актерам, удовольствие публике, освободится из заключения человек, часто безвинный, другой получит деньги – почти пропавшие, правительство избавится от лишней переписки и хлопот!»¹⁹ Театральные ассоциации возникают и в последующих письмах: так он, описывая постоянство обстановки в своем доме, говорит: «...Утро, день и вечер – все одни и те же кулисы»²⁰.

Естественно, Фалалей не мог обойти вниманием получившую в то время нездоровое распространение тягу к иностранному и особенно к французскому. Его жену «сокрушает» то, что «иностранного-то она еще ничего не знает; хоть бы болтать немного приучилась». Услужливый муж просит издателей «Вестника» «известить, что нужен-де к такому-то иностранец – учить дитя по-французски. А вот вам и след: к нам на квартиру в Харькове приносил хлебы продавать один иностранец, и, кажется, француз. Потрудитесь отыскать его и поговорить с ним не согласится ли он?»²¹ У всех на памяти был фонвизинский «Недоросль», где в учителя взяли кучера. Фалалей от Простаковых недалеко ушел: он готов взять в учителя продавца хлебов.

Требования весьма скромные: «выучить болтать хотя употребительные в публике слова; до правильного выговора дела нет – в свете понатрется. Когда г. мусье может учить читать – то хорошо; а когда нет – то и не нужно <...> Когда г. мусье на все сие согласится, то пусть приезжает в село... Он очень понравился жене моей. Да уж и проказник же, и весельчак, и преострая голова! Мы его ни слова не понимали; однако ж премного хохотали, когда он нам что-нибудь рассказывал по-своему. Нет – таки видно, что умница! Уж француза тотчас заметишь»²². Все в этом небольшом монологе, вплоть до тавтологии «г. мусье» выдает в авторе зоркого сатирика, тонко ощущающего природу слова.

Насмешками над угодливым и неумелым низкопоклонством помещного дворянства нафаршировано и следующее письмо. Здесь появляется новый персонаж – по сведениям Фалалея, в прошлом Французский граф, а ныне барон. Он оказался «человек бойкой», и когда мы «пустились в расспросы про его землю и про другие иностранные», «рассказы его полились рекою, хотя и мутною от смеси французского с русским (вспомним грибоедовскую смесь французского с нижегородским. – Л. Ф.), то усядется он на корабль, то верхом поскачет, то в плен попадет, то армиею закомандует – словом, вышел золотой человек».

То, что «золотой человек» беззастенчиво вешает им лапшу на уши, туповатому Фалалею и в голову не приходит, и он изрекает поистине замечательную сентенцию: «Из сего разговора узнал я в первой раз в жизни, что в каждом государстве разные нравы и обычаи. Ведь чудеса же на свете! Кому бы пришло в голову заметить это? А француз не пропустил»²³. А когда тот вызывается стать учителем, восторгу нашего героя нет предела: «Нет таки правду сказать,

¹⁸ Квитка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів: у 7 т. – Т. 2. – К.: Наук. думка, 1979. – С. 301.

¹⁹ Там же. – С. 303.

²⁰ Там же. – С. 312.

²¹ Квитка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів... – Т. 2. – С. 305.

²² Там же.

²³ Там же. – С. 306.

великая нация, великие люди! Прошу же покорно наших русских посмотреть: не распознаешь, сударь, графа от простого дворянина иначе, как только по пашпорту или по бумагам; все так просто, так незатейливо. Нет, не скоро мы еще будем подобны французам; хотя и крепко хотим все перенять у них!» К общему восторгу новый учитель и властитель дум «созвал всю дворню, приказал барыню называть мадам, Дуняшу – мадемуазель, меня – Фалурден, а себя – мосье Леконт»²⁴. Вне себя от счастья наш герой подписывает это письмо своим новым именем: «Фалурден Повинухин».

Некоторое время он пребывает в состоянии эйфории, в восторге от того, что он «уже теперь не простой русской помещик, а познакомился с французским просвещением» и «выбился из Фалалеев в Фалурдены». «Наши крестьяне неучи есть и будут <...>...Послушайте-ка *г-на* мусье, что он рассказывает про своих: он говорит, что там всякой из них пейзаж, это ведь не шутка!»²⁵ Но постепенно дают себя знать изменения в отношении Повинухина к французам. Он пока еще готов говорить в его адрес похвальные речи и призывать пожалеть вместе с ним «о мусье Леконте: ему день и ночь нет покоя от беспрестанных трудов!», обещает сообщить «отрывки наших разговоров о политике; тогда-то вы отдадите долг справедливости сему великому человеку»²⁶. Он еще верит, что, заботясь об образовании его жены и Дуняши, француз пригласил «из Москвы свою родную сестру, по прозванию мадам Пур-ту, преловкую, пресветскую и превеселую женщину».

Но, как видно из этого же письма, до его сознания начинает доходить, что действия Леконта не так уж бескорыстны: «Немного радость моя смущается, что управляет всем моим именем мусье Леконт, а я подавай денег. Занимал, – да уж и голова кружится; даже и подушные с крестьян, вместо казны, в руках у французам». Помогает обирать незадачливого помещика и мадам Пур-ту: «взглянет – я и растаял, заговорит – я ключи вынимаю, запоем – отпираю шкаф, возьмет меня за бородку – я за деньги, она их подхватит – да и тягу»²⁷.

Но полное отрезвление наступает позднее, о нем мы узнаем из письма, присланного из Тулы. «Вот куда меня нелегкая занесла! подобных приключений, я думаю, ни с одним православным не случится. Чтоб сквозь землю провалились все французские Леконты, маркизы, бароны, мусьи, мадамы, мамзели с их кружевами, машинами, станками, нитками! чтоб отныне и до века всякой человек – хоть крошечку честный – боялся прикоснуться, как к чуме, ко всему французскому в воздухе, земле, огне и воде! Ох, мои батюшки! не могу опомниться до сих пор. Ну, уж удружили мне своим просвещением, обогатили своею экономией, возвеселили новомодными заведениями!! Был барин – стал хуже холопа; мог прокормить сотню французских голяков – теперь сам гол как сокол; имел 1000 душ – и чуть свою душеньку удерживаю в теле...»²⁸

Подробно описав историю своих злоключений, разоренный помещик в завершение своего пространного послания пишет: «Прощайте, господа! Да сохранит вас судьба от всего,

²⁴ *Квитка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів...* – Т. 2. – С. 307, 308. С. Д. Зубков пишет в этой связи: «Обращает на себя внимание такая подробность. Биограф писателя упоминает, что танцевальный клуб в Харькове, директором которого одно время был Квитка, содержал „бывший фехтовальный учитель при университете, Ле-дюк, один из наполеоновских гвардейцев 1812 года“. Фалалеевский француз именуется „мосье ле Конт“ или „мусье Леконт“. Вряд ли имя этого персонажа случайно перекликается с фамилией реального лица, широко известного в Харькове. Сейчас, конечно, трудно установить, во всем ли содержатель клуба послужил прототипом ле Конта, особенно если учесть слишком уж непривлекательные черты и отвратительную его характеристику. Но, с другой стороны, сомнительно, чтобы писатель без достаточных оснований прибегал к столь прозрачной схожести их фамилий. Не случайно, видимо, „письма“ Повинухина вызвали в „Харькове фурор“, поскольку читатели, несомненно, свободно отгадывали авторские намеки, одним из которых, возможно, была и фамилия французам. Для нас в данном случае важна жизненная основа изображаемых Квиткой нравов, ситуаций и даже отдельных лиц» (Зубков С. Д. Русская проза Г. Ф. Квитки... – С. 26–27).

²⁵ Там же. – С. 310.

²⁶ Там же. – С. 310, 311.

²⁷ *Квитка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів...* – Т. 2. – С. 313.

²⁸ Там же. – С. 315.

что только называется *французское*. Торжественно отрицаюсь от французского наименования! Все, все суета: я испытал, что ни имя, ни чин не умножает в человеке достоинств» и подписывает его как прежде: «Фалалей Повинухин»²⁹. После всего сказанного эта фамилия воспринимается как значимая, восходящая к глаголу «повиниться».

Квитка не только отдавал себе отчет в том, что его Фалалей – лицо типическое, но и прямо указывал на это уже во втором письме: «... Не я ведь первый, не я последний; и потому не воскликнет ли кто, прочтя письмо мое: „Уж не я ли это?“»³⁰. Ограниченность интересов и бесчеловечность родственных отношений в «фалалеевской» среде – дело обычное, широко распространенное. Он распинается в проявлениях внимания к своей жене, а между тем был бы рад ее кончине: возможность сказать ей «Со святыми упокой» означало бы для него «счастливый оборот жизни». И это, по его убеждению, норма жизни, отсюда повторяющиеся выражения: «как водится в супружестве», «многие позавидуют перемене моей участи», «многие желают себе такого счастья» и т. п.

Как характерное явление изображены и расправы с крепостными. Автор любит тему, как обращается с ними Ле Конт: «... Умереть надобно со смеху, как он их школит; чуть не так затворил или отворил дверь – так и оплеушина, а подчас и на конюшню»³¹. Он в восторге от результатов воспитания французом горничной Дуняши: «Что же, подумаете вы, он с Дуняшей сделал? В первой день, как с ней занялся, собрались мы вечером пить чай; вот он входит с нею; она вдруг отпустила книксен – да какой же? хотя бы первая танцовщица у вас на театре. Не успели мы прийти в себя от удивления, как вдруг она преобстоятельно сказала: „Бон соар!..“ Слезы радости брызнули в мою чашку, и едва не уронил я трубки!»³² После того, что читатель только что узнал о методах, которыми француз «школил» крепостных, он без труда представит себе, чего стоили Дуняше эти достижения: сколько получила «оплеушин», как была выпорота на конюшне.

Типичен и образ тещи Повинухина – помещицы Вопиюхиной, – воплощения ханжества, безнравственности и ненасытного стяжательства. Эта богобоязненная святоша составила после смерти мужа фальшивое завещание и затаскала по судам законных наследников – собственных внуков. Как отмечал С. Д. Зубков, опираясь на материалы, собранные Г. П. Данилевским, Квитка сам соприкасался с подобными случаями, выезжая на расследования, во время которых убеждался в продажности суда (в одном из писем фигурирует пословица, указывающая на распространенность этого явления: «Правду говорят: не купи села, купи судью»), выявлял факты взяточничества, мошенничества, безнаказанности совершенных уголовных деяний. Это надолго засело в его памяти и послужило материалом, который использовался как в комедиях, так и в прозе.

Новая серия посланий Повинухина появилась в 1822 г. под названием «Письма к Лужницкому старцу» в «Вестнике Европы». Выбор Квиткой именно этого журнала, возможно, объясняется тем, что между ним и «Украинским вестником» выявилось, по выражению Г. П. Данилевского, «некоторое сочувствие». В 1818 г. в «Вестнике Европы» было опубликовано письмо Лужницкого старца «К господам издателям Украинского вестника», а в 1820-м появилось «Письмо в Украинский вестник», который к тому времени уже не существовал. Таким образом, Квитка был как бы спровоцирован адресоваться именно в этот журнал. Хотя псевдоним «Лужницкий старец» использовали, помимо Каченовского, также Яковлев и Погодин, наиболее вероятно, что Квитка адресовал свои письма именно издателю «Вестника Европы».

²⁹ Там же. – С. 319.

³⁰ Там же. – С. 303.

³¹ *Квитка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів...* – Т. 2. – С. 308.

³² Там же.

Первое письмо целиком посвящено описанию того, что случилось с Фалалеем с тех пор, как мы расстались с ним в тульском трактире: произошла «премена его участи на лучшее»: он «опять полновластный хозяин в доме и во всем имении моем, после пятилетней разлуки соединен с дражайшею моею супругой и малютками <...> опеку велено снять, а меня ввести во владение <...> Имения своего я не узнал: мельницы, риги, молотильни и бог знает чего не устроено, и все наилучшим образом! На гумнах скирды хлеба; мужики разбогатели <...> уж это не французское управление <...> В рассуждении денег тужить не о чем; долгов ни копейки, кредит снова есть: теперь заживем»³³.

Начиная со второго письма, Фалалей переходит от описания своих личных дел к рассуждениям общего порядка. Видно, что он сильно изменился за эти годы, набрался опыта, способности к рассуждениям. Письма его стали короче, а их стиль содержательнее и строже. Если Фалалей первой серии писем был объектом откровенного осмеяния, то теперь соотношение между его суждениями и авторской позицией стали далеко не такими однозначными. Уже в начале второго письма Фалалей говорит: «Чудно на свете стало; все не так, как было в наше время!»³⁴ – и все дальнейшее в сущности поясняет, аргументирует и детализирует этот тезис.

Произошедшие перемены ему явно не по душе. Прежде «дворянство понимало свою вольность и пользовалось ею; а теперь все не то: только и слышишь: *польза общая того велит*. А эта польза тащит деньги из кармана. Там училища, там больницы, там богадельни, да и господь знает что! <...> А все это лет двадцать так переменялось, как все принялись за просвещение! Без него и в чины нынче выйти нельзя»³⁵. На деле оказывается, что просвещение карьерных перспектив не открывает: сын соседа «по-русски, по-французски и по-немецки болтает, а далее титулярного не дошел; не смеет к черной доске подойти. Вот в наше время и при таких затеях он бы попал в коллежские, потому что достатком изобилует; ведь богачи в тот век нанимали же за себя в караул, так можно бы подрядить, чтоб сущестительного и прилагательного написали за него, сколько нужно для штабства. Нет таки, все не то и не так идет, как при нас! Понятия совсем не те!»³⁶

Врагом просвещения его не назовешь, скорее уж мы от его нынешнего уровня отстали: «Что и говорить! ученье свет! не нашему темному времени чета! Сколько книг выходит! Ведь без ума книги не напишешь, а напечатать и не думай». Не мог основатель института благородных девиц особо не отметить, что «и женское воспитание дошло до совершенства. Посмотри, как ловко танцуют, как зашнурованы; пусться же по-французски, так матушки за ними *нас*! Иная и без пансиона такая выдет вострушка, что в глаза мечется»³⁷. Упомянута и знакомая нам по прошлым письмам Дуняша, возвращенная из пансиона: «Вышла козырь-девка». Это определение спустя много лет станет заглавием одной из наиболее известных повестей Квитки.

Однако, присматриваясь к тексту письма, нельзя не ощутить, что к восторгам Фалалея подмешана немалая доля иронии. «Преотменное воспитание» заключается в том, что «все питомицы зашнурованы, втянуты так, что любо глядеть; коли иная не прямо себя держит, так на пол ее часов на шесть, чтоб лежала на спине <...> Все, мои крошки, худеньки! Да и способ прекрасной, чтоб не толстели: взрослым суп, картофель и репа; средним суп да репа, а меньшим одна репа. Зато уж ни одной толстенькой не увидишь; все, как палочки, и экономия в порядке. А буде кто из родителей и поклонился бархатом или гарнитуром, так тотчас дочка и

³³ Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів... – Т. 2. – С. 323–325.

³⁴ Там же. – С. 325.

³⁵ Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів... – Т. 2. – С. 325.

³⁶ Там же. – С. 326.

³⁷ Там же. – С. 326–327.

поступит в прилежные и за отличие удостоится кушать с м. *Сан-Дан* за одним столом. Тут уж все не то; одних пирожных три и всего вдоволь»³⁸.

Иронией пронизано и последнее письмо, наполненное жалобами на то, что при нынешнем разномыслии он, бедняга, не знает, чему верить и осознать, «хорошо ли мы живем? И так ли в нашем звании жить должно?» Сам я, признается он, не люблю иметь своего мнения. Куда нам за умниками! Пусть другие рассуждают, а я к готовому пристану. Только та беда, что не знаешь, к какому мнению пристать. Один убеждает деньги не проматывать, а приумножать их торговыми оборотами, другой, напротив, говорит: «...Живи в свое удовольствие, не отказывая себе ни в чем; содрал все с мужичков, занимай; продай голяков и доживай веку. Пусть те страдают, кому ты должен; а умер, тогда хоть волк траву ешь!»³⁹

Описав мошеннические проделки, творящиеся вокруг, Фалалей восклицает: «Вот умение жить! вот просвещение!», «Нынешний век не нашему старинному веку чета! Не прежнее однообразие!» Как пример распространения дворянских нравов в мещанском кругу приводится рассказ о том, как, «накормивши, напоивши нас, хозяин не поскупился подать нам еще и кофе, сваренное в горшке, что был прежде с кашей». Он просит «старца» вразумить его, наставить, «как переменить весь сей порядок», но оказывается, что для себя он уже все решил: «Заплатить долги я уже знаю как: четверно оброк – так лет в пять все выплачу и копейку зашибу, и могу вступить в откуп, подряды да и разбогатею. Тогда излишек можно будет прожывать по своей воле»⁴⁰.

Сопоставление двух «серий» фалалеевских писем – «Писем к издателям» и «Писем к Лужницкому старцу» подводит к значимым выводам. Пронизывающее последние противопоставления «века нынешнего» «веку минувшему» – безусловное следование «Письмам к Фалалею» Новикова, где сравнения также выдержаны преимущественно на материальном, бытовом и лишь отчасти нравственном уровне: «Экое времечко; вот до чего дожили; и своего вина нельзя привезть в город: пей-де вино государево <...> Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать; нельзя у соседа и земли отнять: в старину-то побольше было нам вольности <...> Нонече и денег отдавать в проценты нельзя: больше шести рублей брать не велят, а бывало, бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нет-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой <...> Вера-та тогда была покрепче; во всем, друг мой, надеялись на Бога, а нонече она пошатнулась, по постам едят мясо и хотят сами все сделать; а все это проклятая некресть делает: от немцев житья нет <...> Эх! перевелись-ста старые наши большие бояре. То-то пожилы да поцарствовали, как сыр в масле катались: и царское, и дворянское и купецкое, все было у них <...> А нынешние господа что за люди, и себе добра не хотят. Что ж и говорить: все пошло на немецкий манер»⁴¹ и т. п.

Но есть и отличия. Новиковские персонажи твердо знали, чего они хотят и что их не устраивает в произошедших переменах. Автор «Писем к Лужницкому старцу», хотя тоже скорбит, что «все идет на иностранный манер», такой уверенностью в своей правоте уже не обладает, он сомневается: «...хорошо ли мы живем? И так ли в нашем звании жить должно?» «Нынешний век», нарождающийся капитализм уже подрывал сложившиеся устои и материальных, и нравственных отношений, и Квитка их ощущал, но до конца, видимо, не осмысливал.

С. Д. Зубков обращал внимание на то, что перемены, наблюдаемые в суждениях Фалалея, отразили эволюцию самого Квитки, что сказалось и в стиливых отличиях «первой серии» от «второй». Исчезла говорливость, за которой крылась неясность мысли, поверхностность без-

³⁸ Там же. – С. 327.

³⁹ *ТКвітка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів...* – Т. 2. – С. 328.

⁴⁰ Там же. – С. 329.

⁴¹ *Новиков Н. И. Избранные сочинения.* – М.; Л.: Гослитиздат, 1951. – С. 122–124.

апелляционных суждений, исчезли сомнительные остроты, зато появилось ощущение определенной растерянности перед лицом того, что «все не то и все не так идет».

Особого внимания заслуживает догадка исследователя, что к 1822 г. Квитка, обогащенный обильным жизненным материалом, оказался не готов к его осмыслению и обобщению, и поэтому «вторая серия» оборвалась на четвертом письме: «Уже недостаточно было ставить недоуменные вопросы, нужно было на каждый из них дать определенный ответ». Начиная «письма» Повинухина, Квитка имел намерение изобразить историю всей жизни этого недоуны. В тексте разбросано много намеков о приключениях, которые в опубликованных частях цикла не объясняются. Очевидно, предполагалась публикация полного «жития и похождения» Повинухина или, по крайней мере, отрывков его «разнокалиберной жизни с самого детства». Автограф «писем» не сохранился, нет сведений и о том, существовала ли в то время рукопись упоминаемого «жития», или оно оставалось только в сфере замыслов и заготовок. Однако «письма» Повинухина явились частичным наброском, первым зернышком, из которого выросли будущие Пустолобов-Столбиков и Халявский. Но между ними пролегла длительная творческая пауза и целый период драматического творчества⁴².

В мае 1828 г. Квитка досрочно уходит в отставку с поста уездного предводителя дворянства, что некоторые его биографы связывали с интенсивным обращением к драматургии. В 1828–1830 гг. он отправляет в Московский цензурный комитет несколько комедий: «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе», «Дворянские выборы», «Турецкая шаль, или Так водится», «Дворянские выборы, часть вторая, или Выбор исправника», «Шельменко – волостной писарь», «Ясновидящая». Исследователи с полным основанием усматривали связь между проблематикой этих пьес и «Письмами», появившимися десятилетием ранее: «Каждая из них содержала как бы часть ответа на вопрос Фалалея Повинухина: „Хорошо ли мы живем? И так ли в нашем звании жить должно?“»⁴³.

Позднее драматургическая струя в его творчестве ослабевает. Хотя в 1830-е и в начале 1840-х гг. были созданы самые популярные его комедии «Шельменко-денщик» и «Сватанье на Гончаровке», главным его делом в литературе становится проза. Обращение к прозе свидетельствовало о том, что живший в Харькове Квитка чутко улавливал запросы русского литературного процесса. Еще Бестужев в первом из своих обзоров «Взгляд на старую и новую словесность в России» сетовал, что «у нас такое множество стихотворцев (не говорю, поэтов) и почти вовсе нет прозаиков»⁴⁴. Буквально то же писал М. Ф. Орлов Вяземскому: «Займись прозою, вот чего не достает у нас. Стихов уже довольно»⁴⁵. А десятилетием позднее, т. е. как раз тогда, когда Квитка четко определился как прозаик, Бестужев выразил свою прежнюю идею еще более решительно и страстно: «Стихотворцы, правда, не переставали стрекотать во всех углах, но стихов никто не стал слушать, когда все стали их писать. Наконец рассеянный ропот слился в общий крик: „Прозы, прозы! Воды, простой воды!“»⁴⁶.

⁴² Зубков С. Д. Русская проза Г. Ф. Квитки... – С. 29–30.

⁴³ Милокова Е. В. Квитка // Русские писатели. XIX век: биобиблиогр. словарь. – Т. 1. – М.: Просвещение, 1996. – С. 335.

⁴⁴ Литературно-критические работы декабристов. – М.: Худож. лит., 1978. – С. 51.

⁴⁵ Русские повести XIX века 20-х – 30-х годов. – Т. 1. – М.; Л.: Гослитиздат, 1950. – С. 5.

⁴⁶ Литературно-критические работы декабристов. – С. 85.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.